

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

20—22 июня 2013

**Глобальная повестка устойчивого экономического роста
СТИМУЛИРОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИЙ ДЛЯ УСКОРЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РОСТА**

Повестка дня «Группы двадцати». Панельная сессия

21 июня 2013

11:45—13:00, Павильон 5, Зал 5.3

Санкт-Петербург, Россия

2013

Модератор:

Кристиа Фриланд, Редактор, Thomson Reuters Digital

Выступающие:

Сергей Беляков, Заместитель Министра экономического развития Российской Федерации

Крис Гопалакришнан, Сооснователь, исполнительный сопредседатель, Infosys

Клаус Кляйнфельд, Председатель, главный исполнительный директор, Alcoa Inc.

Дэвид Липтон, Первый заместитель управляющего директора, Международный валютный фонд

Фредерик Санчез, Председатель правления, Fives Group

Джеймс Терли, Председатель совета директоров, главный исполнительный директор, «Эрнст энд Янг Глобал»

Ян Хоммен, Председатель правления, главный исполнительный директор, ING Group NV

Участник дискуссии:

Кишан Пандей, Директор, УК «Российский фонд прямых инвестиций (РФПИ)»

Презентация для СМИ:

В последние полтора года банки, за исключением некоторых европейских, проводят рекапитализацию, но неохотно кредитуют компании. Банки же утверждают, что проблема именно в компаниях, которые не желают делать займы и инвестировать ввиду продолжающегося беспокойства на рынках. Что должны делать бизнес, финансовые институты и правительства для полного восстановления доверия и раскрытия существующего инвестиционного потенциала? Давайте начнем нашу дискуссию.

К. Фриланд:

Доброе утро! Спасибо всем, что вы здесь. Я с радостью согласилась стать модератором этой сессии, поскольку считаю, что она посвящена важнейшей проблеме, стоящей перед мировой экономикой: как стимулировать экономический рост? Прекрасно, что мы можем сосредоточиться на этом, а не на предотвращении новой Великой депрессии, чем мы занимались в последние годы. Это действительно очень актуальный вопрос. Я рада, что здесь собрались главы международных компаний, крупные предприниматели и правительственные чиновники. Надеюсь, они успеют ответить на этот актуальный вопрос до 13:00. Господа, я рассчитываю, что Вы готовы к дискуссии.

Все будут выступать по очереди. Каждый изложит свою точку зрения в течение 3—4 минут. Надеюсь, после этого у нас останется время для плодотворного обсуждения основных проблем. Последние 15 минут мы, вероятно, посвятим вопросам.

Я — Кристиа Фриланд из Thomson Reuters. Мы находимся в прекрасном городе Санкт-Петербурге. Начнем с Сергея Белякова, заместителя министра экономического развития России.

С. Беляков:

Спасибо. Я абсолютно согласен с тем, что мы увидели в ролике перед началом нашей сессии. Это действительно проблема. Мы обсуждали ее вчера на ужине с главами крупнейших американских компаний. Сейчас инвесторы не просто выбирают между разными рынками, какой из них наиболее привлекателен для инвестиций. Они выбирают, инвестировать или сберегать. Инвестировать или собирать прибыль с тех рынков, которые пока еще дают возможность эту прибыль получить. В 2008 году был показательный пример, когда мы в период кризиса видели увеличивающийся отток капитала. Причиной такого оттока было то, что Россия, которая росла тогда быстрее, чем многие рынки, позволяла аккумулировать прибыль для подразделений компаний, которые вели здесь бизнес. Эта прибыль являлась источником компенсации потерь для компаний в других регионах. Здесь мы наблюдаем серьезную зависимость одной страны от состояния мировой экономики в целом, и говорить о том, что падает объем инвестиций в Россию, в развивающиеся рынки, в страны БРИКС не совсем правильно. Правильно говорить о том, что инвестиционная активность в мире вообще сильно замедляется. Это серьезная проблема. Если бы было по-другому, нам было бы проще, мы бы понимали, что мы конкурируем с определенными регионами, с определенными странами, с определенными рынками, понимали бы, в чем мы конкурируем, где мы выигрываем, а где проигрываем, и было бы понятно, что делать. Сейчас же нам приходится убеждать инвестора не сберегать, а инвестировать. И только после этого первого шага можно начинать убеждать его, что инвестировать надо в российскую экономику, что она дает возможности для заработка. Инвестор руководствуется очень понятными принципами: заработает он на инвестициях или нет. Это важно не только с точки зрения скорости отдачи капитала, величины дохода, но и с точки зрения завоевания рынка. Очень простой подход, и это правильно.

В этих условиях нам тяжело убедить сделать первый шаг, принять решение инвестировать. Для нас это вызов, как и для других стран. Я согласен с теми факторами, которые были обозначены в качестве влияющих на решение не в

пользу инвестиций. Мы проводили такой анализ применительно к российской экономике и тоже оказались с этим набором факторов. Однако у нас есть определенная специфика. Последнее время мы компенсировали отсутствие частного капитала в экономике или его недостаточность довольно серьезным объемом государственных инвестиций. Сейчас у нас такой возможности нет, и это второй вызов, который стоит перед нами. Необходимо компенсировать недостаток бюджетного финансирования частным капиталом, а он не очень охотно на это идет. Нам важно что-то ему предложить, чтобы он начал заходить в российскую экономику, и тот капитал, который здесь уже существует, российский капитал, не уходил из страны, а инвестировался к нам.

Мы понимаем, что надо делать. Мне бы очень хотелось сказать, что, предлагаемые нами меры и в части денежно-кредитной политики, и в части политики, направленной на снижение процентных ставок, и на ограничение государственного участия в экономике, и на оптимизацию инвестиционных программ естественных монополий, дадут определенный результат. Мы надеемся, что меры будут результативными, но пока я этого утверждать не могу. Мы сейчас постараемся их принять, быстро оценить, движемся ли мы в правильном направлении, достигаем мы эффектов или нет и тогда принимать решение о корректировке.

К. Фриланд:

Спасибо!

Я считаю, что замещение государственных инвестиций, которых становится все меньше, частными — это один из ключевых вопросов. Надеюсь, каждый сможет высказаться по этому поводу. Сейчас мы слушаем Джима Терли, главного исполнительного директора Ernst & Young. Он осветит эту проблему с разных сторон, рассказав о том, что делают в сфере инвестиций его многочисленные клиенты.

Д. Терли:

Спасибо! Я согласен со многим из того, что сказал Сергей. Постараюсь не повторяться. Прежде всего, я считаю, что видео, продемонстрированное в начале сессии, вполне точно отражает реальность: ликвидные активы «зависли» на балансе компаний и должны быть высвобождены.

Вчера состоялись сессии различных целевых групп «Деловой двадцатки». Целевые группы по инвестициям и инфраструктуре дали ряд недвусмысленных рекомендаций в этом отношении. Одна из них — выявление и устранение ограничений для свободного движения капитала и принятие мер для увеличения объема иностранных инвестиций. Я считаю, что такого рода ограничения могут иметь вид торгового или валютного протекционизма, а также налоговых мер, ограничивающих свободу движения денежных средств. Могут приниматься на вооружение и другие пагубные стратегии. Добавлю, что мы должны содействовать свободному перемещению талантов и рабочей силы между различными странами. Визовая политика и связанные с ней меры могут серьезно способствовать росту инвестиций.

Еще один способ стимулирования инвестиций — активная помощь частным инвесторам, которые вкладываются в инфраструктуру, и создание государственно-частных партнерств в этой области, а также другие способы увеличить расходы на инфраструктуру. Потребность в таком увеличении существует везде, однако не все государства могут себе это позволить. Необходимо сделать так, чтобы частные предприниматели могли совершать такие инвестиции и получать по ним хороший доход.

Есть, наконец, еще одна идея, которую следует обдумать: она предложена целевой группой по финансам, сопредседателем которой являемся Андрей Костин и я. Идея заключается в том, чтобы пристальнее следить за соответствием банковского регулирования меняющейся макроэкономической политике. Речь, например, идет об отказе от «количественного смягчения» в различных странах и о других подобных мерах. В результате финансового кризиса потребовалось усилить банковское регулирование, и сейчас надо

проявлять осторожность, чтобы такое регулирование не оказало непропорционального или неожиданного воздействия на кредитование малого и среднего бизнеса: ведь именно он в основном создает рабочие места и обеспечивает экономический рост. Я предложил бы внимательно посмотреть на то, как политика количественного смягчения и банковское регулирование влияют друг на друга и на создание рабочих мест.

К. Фриланд:

Большое спасибо, Джим. Теперь выслушаем Фредерика Санчеза, председателя правления Fives Group. Полагаю, он расскажет нам о том, как эти проблемы видятся европейцам, — и не только им.

Ф. Санчез:

Спасибо. Во-первых, я согласен с тем, что рост инвестиций требует увеличения стабильности, уменьшения неопределенности и большего доверия к правительственной политике. Нам нужно, чтобы правительства проявили волю к изменению правил игры. Сейчас они такой воли не проявляют. Объем прямых инвестиций в 2013 и 2012 годах был ниже, чем в 2007 году: данный показатель говорит о том, как много нам предстоит сделать. Полагаю, ради этого нам и следует бороться с протекционизмом. Я мог бы рассказать об этом подробнее, однако скажу лишь, что полностью разделяю взгляды Джеймса. Если получить лицензию на инвестирование очень сложно, если вам нужно вложить много собственного капитала (кое-где действует такое правило, призванное ограничивать зарубежные инвестиции), если бюрократические препятствия велики, вы не станете рисковать инвестированием в этой стране — вы будете просто выжидать. Необходимо устранить все эти факторы неопределенности, создавая более простые и стабильные системы.

Перейду к налогам. Я буду говорить о Европе и Франции. Налоговая система Франции не предусматривает вознаграждения за риск. Вознаграждение

получают только те, кто сдает в аренду имущество, взыскивает арендную плату, получает выгоду от аренды. Это неприемлемо. Одна из главных проблем Европы — резкий рост безработицы среди молодежи: 50% молодых людей в Испании не имеют работы. Заботясь о старшем поколении, мы должны решать и другие задачи.

Чтобы совершать инвестиции, вы должны быть уверены, что ваша интеллектуальная собственность будет надежно защищена. Однако во всем мире она защищена недостаточно хорошо, и эту проблему должны решать на международном уровне лидеры «Группы двадцати». Бизнес должен обратиться к ним, предложив установить одинаковые для всех преимущества. И последнее: Вы сказали, что для инвестиций нужен капитал. Я полностью с этим согласен. Банки больше не предоставляют капитала или не предоставляют его в необходимом объеме. В Европе это вызывает большую озабоченность в связи с реализацией соглашения «Базель III». Вам, Джеймс, повезло: в Вашей стране соглашение «Базель III» не будет действовать. Однако мы в Европе внедряем эти меры, словно прилежный студент, лишенный воображения. Вследствие этого я, глава компании, больше не могу найти финансирование на приемлемых условиях. К счастью, решено открыть публичный рынок для малых и средних компаний. Посмотрим, будет ли эта система работать. Так или иначе, мы должны искать новые источники средств для инвестиций.

К. Фриланд:

Спасибо за эти интересные заявления. Любопытно будет услышать иное мнение: действительно ли американские банки не исполняют соглашение «Базель III»? На одной из вчерашних сессий Майкл Корбат из Citigroup утверждал, что его компания выполняет требования этого соглашения.

Сейчас мы выслушаем Дэвида Липтона, моего хорошего друга и давнего друга России. В настоящее время Дэвид является первым заместителем управляющего директора Международного валютного фонда. Он много лет

проработал в государственных органах, а теперь руководит международным финансовым учреждением. Одно время он сам работал в банке. Дэвид, каково Ваше мнение по этому вопросу?

Д. Липтон:

Спасибо, Кристиа. Недостаток инвестиций ощущается повсеместно. Правильнее всего, как я считаю, будет задать вопрос: что необходимо инвесторам для совершения вложений? Прежде всего им нужны хорошие проекты, затем — финансы и капитал, затем — отсутствие чрезмерных препятствий для совершения инвестиций и наконец — возможность сохранить свой доход. Внимательно рассмотрев эти четыре пункта и осознав, что стоит за каждым из них, вы поймете, какие меры следует принять.

В мире есть много хороших возможностей для инвестиций. Однако нам нужна более эффективная и крепкая экономика с более высокими темпами роста, чтобы возросло доверие населения к ней, а следовательно, и спрос. Для стимулирования инвестиций необходимо совершенствовать макроэкономические стратегии на уровне отдельных стран. Страны и компании должны иметь доступ к капиталу, о чем только что говорил Фредерик. «Группа двадцати» активно ищет способы использовать существующие сбережения для долгосрочных инвестиций в инфраструктуру и производство, стремится привлечь для этого средства институциональных инвесторов и государственных инвестиционных фондов, принимает другие меры.

Необходимо уметь инвестировать: для этого требуется нормативно-правовая база, которая способствует инвестированию, а не создает для него препятствий. Острота этой проблемы неодинакова в разных странах. Далее, инвестор должен иметь возможность сохранить свой доход. Для этого нужно обеспечить верховенство закона и защиту прав акционеров, создать налоговую систему, при которой у инвестора не изымается вся прибыль, эффективно охранять интеллектуальную собственность.

У стран, компаний и всего мирового сообщества впереди много работы. Наконец, о том, как все это применить к России: думаю, что это вполне возможно. Россия нуждается в более быстром росте, однако его нельзя обеспечить просто путем стимулирования спроса: резервы экономики не так велики. Небольшое стимулирование может привести к краткосрочному росту, но одновременно ухудшит инвестиционный климат в долгосрочной перспективе, вызовет очередной скачок инфляции и понижение курса рубля. Все это крайне нежелательно. Россия предоставляет хорошие перспективы для инвесторов, но можно ли в ней добыть необходимые средства? Банковская система России недостаточно совершенна для того, чтобы с ее помощью совершать перспективные инвестиции. Поэтому, я считаю, следует задуматься об эффективности банковской системы, о ее структуре и о том, кому принадлежат банки.

Можно ли осуществлять инвестиции в России? Очевидно, есть широкий простор для принятия различных мер, таких как усовершенствование законодательства, дерегулирование и выход правительства из бизнеса. Полагаю, все это важно. Чтобы инвестор мог сохранить свой доход, нужно обеспечить полное верховенство закона и повысить эффективность налоговой системы. В частности, следует защитить права миноритарных акционеров и других претендентов на доходы. Я думаю, что эти рассуждения применимы ко многим странам мира — и, конечно же, к России.

К. Фриланд:

Большое спасибо, Дэвид. Сейчас мы слушаем Клауса Кляйнфельда. Клаус — еще один давний друг России, внимательно следящий за тем, что происходит здесь. Он не только предприниматель, но и председатель совета директоров Американско-Российского Делового Совета. В настоящее время он является председателем и главным исполнительным директором компании Alcoa, а до этого долго работал в компании Siemens. Думаю, у него есть важная информация о том, что происходит в России и во всем мире.

К. Кляйнфельд:

Давайте вкратце рассмотрим общий ход развития мировой экономики. Различные экономики развиваются с разной скоростью, и по этому параметру можно выделить три региона. Во-первых, это Азия, включая Китай. Пессимистические утверждения вызывают у меня улыбку. О замедлении роста китайской экономики говорят в основном те, кто никогда не бывал в Китае. Если задать им вопрос, что они подразумевают под замедленным ростом, они говорят о 7,5%. Простая математика показывает, что 7,5% — это очень высокий показатель, учитывая, что экономика выросла вдвое с тех пор, когда этот показатель выражался двузначным числом. Я по-прежнему оптимистично настроен в отношении Китая. В этой стране много проблем, но рост ее экономики отличается редкой устойчивостью.

Вторую скорость мы наблюдаем в США. Совершенно очевидно, что экономика Америки восстанавливается. Мы пока не говорим о двузначных показателях — только об однозначных — и гордимся двухпроцентным ростом. Так или иначе, экономика восстанавливается. Что касается Европы, то, откровенно говоря, прогнозы пессимистов не сбылись. Последние могут сказать: «Ну, это пока», однако я прожил в Европе большую часть своей жизни и могу сказать, что во многих европейских странах дела с трудом доводятся до конца. Большинство людей об этом забывает.

Именно так я вижу картину в целом. Посмотрим на отдельные отрасли. В начале этой недели я посетил Парижский авиасалон. Если вы действительно хотите проникнуться оптимизмом, посмотрите на авиакосмическую промышленность: и Boeing, и Airbus в течение восьми лет не справляются с заказами, показывая беспрецедентные результаты. Дискуссии, которые у нас здесь были, касались того, когда появится следующее окно возможностей, но это же просто здорово. Одновременно надо быть реалистами: некоторые отрасли промышленности и регионы действительно переживают трудные времена. Но даже в отраслях, испытывающих застой — например, в

строительной отрасли США, — мы видим признаки восстановления. Итак, основное — это восстановление.

Что касается России, я согласен с соображениями, которые излагали Сергей и другие выступающие. К сожалению, положение в экономике стало более тревожным. В прошлом году мы говорили, что Россия демонстрирует блестящие успехи: рост составляет 4—5%. Это было чем-то фантастическим. Все говорило о том, что страна движется в верном направлении. Сегодня мы должны умерить свои восторги. Отчасти это связано с дальнейшей интеграцией России в мировую экономику. Европа — крупнейший торговый партнер России, на которого приходится 60% ее экспорта (последний по времени показатель, который я помню), так что препятствовать усилению интеграции между ними вряд ли возможно. Непокойные времена настали и для нефтегазовой промышленности, что отчасти объясняет замедление темпов роста. Но все-таки рост по-прежнему наблюдается.

Внутренние факторы заботят меня больше — особенно потому, что я не понимаю, каково их воздействие в данный момент. Вы упомянули прямые иностранные инвестиции. Учитывая известные мне показатели, я не знаю, что с этим делать. В прошлом году казалось, что страна купалась в деньгах: приток капитала был больше оттока на 31 миллиард долларов. Меня беспокоят последние известные мне данные по оттоку капитала с начала года: за первые пять месяцев он составил, если не ошибаюсь, 37 миллиардов долларов. Я не могу найти соответствующие цифры по притоку — не знаю, где их взять, — и это тревожный знак. Я не знаю, что именно означают имеющиеся у меня данные.

Посмотрим на более наглядные вещи, которые уже стали предметом многочисленных дискуссий на Форуме — например, на инфраструктуру. Инфраструктура является основным фактором роста, и следует признать, что в отдельных ее сегментах наблюдается отставание. Цены на электроэнергию снизились настолько, что ее производство стало неконкурентоспособным. Причин для этого несколько. Одна из причин — потеря 40% энергии при

передаче: как в таких условиях обеспечить конкурентоспособность? Это большая проблема. Мы могли бы поговорить о дорогах и сравнить ситуацию с дорожным строительством в России и в Китае: Россия значительно отстает.

Таких инфраструктурных проблем — тысячи. Всемирный экономический форум регулярно публикует отчеты о конкурентоспособности экономик. Последний был опубликован в сентябре прошлого года, и, честно говоря, очень разочаровал меня. По уровню развития инфраструктуры Россия оказалась на предпоследнем месте: на последнем была Бразилия. Даже Индия и ЮАР опередили Россию. Я не знаю, как именно они составляли отчет: мои личные впечатления выглядят намного более позитивными. Но это говорит о необходимости что-то делать с инфраструктурой.

Кристиа, хотите ли Вы, чтобы я рассказал о последствиях всего этого для России, а также привел пару своих соображений?

К. Фриланд:

Клаус, давайте оставим это для второй части. Все, о чем Вы говорите, очень увлекательно. Надо сказать, что когда речь идет о России, я — оптимист. Эти замечания, вызывающие озабоченность, для меня — признак того, что проблема действительно важна.

К. Кляйнфельд:

Теперь, когда Вы предложили рассматривать этот вопрос в более широком контексте, признаюсь, что я оптимист: это хорошо послужило мне в жизни, и я не собираюсь легко сдаваться. Я по-прежнему очень оптимистично смотрю на многое из того, что происходит в России. Однако я считаю необходимым указывать на проблему, если в какой-то сфере перемены происходят медленнее, чем нужно. Особенно это необходимо тогда, когда человек настроен оптимистично. Не знаю, сколько раз в течение сессии мы будем возвращаться к инфраструктуре. Я много раз сталкивался с инфраструктурными проблемами: они не так уж сложны. Многие можно

сделать без труда; многое из этого можно сделать на региональном, а не на федеральном уровне. Я склоняюсь к такому подходу. Здесь возможны легкие победы, но всем этим нужно заниматься.

К. Фриланд:

Спасибо, Клаус. Уверена, что для реализации крупных международных проектов в сфере инфраструктуры понадобится много алюминия.

К. Кляйнфельд:

Рад, что Вы сказали об этом.

К. Фриланд:

Далее мы выслушаем Яна Хоммена, главного исполнительного директора ING Group NV. Он руководит своей компанией, хотя для банков во всем мире настало крайне беспокойное время. В биографии Яна есть интересный момент: он — бывший финансовый директор Alcoa. Таким образом, здесь присутствуют два высших руководителя европейского подразделения Alcoa: бывший и нынешний. Ян, прошу Вас.

Я. Хоммен:

Хочу сделать несколько замечаний — некоторые из них уже звучали здесь. Я согласен с Клаусом: надо постараться не впадать в излишний пессимизм. Если посмотреть на динамику инвестиций с 2008 года, то окажется, что во многих странах их объем уменьшился: кое-где он на 20% меньше, чем в 2007 году. Думаю, что в первую очередь следует учитывать три фактора: я сосредоточусь на Европе, но в других частях света происходит примерно то же самое.

Во-первых, я полагаю, что слабый спрос обусловлен не только финансовой и экономической ситуацией, но и старением населения. Население — в Европе и в некоторых других странах, включая Японию, — стареет довольно быстро.

Это означает, что доходы компаний снижаются, и необходимо искать рынки, где можно получить более высокую прибыль. Компании все чаще приходят на развивающиеся рынки, и Россия может воспользоваться этим.

Во-вторых, политическая и экономическая неопределенность в еврозоне отрицательно отразилась на инвестициях. Когда вы не уверены в правилах, в прибыльности инвестиций или в правильности действий правительства, возникает вопрос, стоит ли инвестировать: зависимость в этом случае довольно высока.

В-третьих, многие компании в различных странах — прежде всего, в Южной Европе — стали испытывать трудности с доступом к капиталу и финансированию: средства они могут получить только по совершенно неприемлемой цене. Особенно большие трудности стали испытывать малые и средние компании.

Теперь сделаю несколько комментариев относительно банков. Банки с 2008 года пытаются нарастить резервные запасы, и я считаю, что многие из них в этом преуспели: вероятно, не все, но большинство, особенно в Европе. Банки, как я уже говорил, хотят определенности. Они должны знать, что происходит с банковским сектором и какой будет структура капитала, а в Европе по-прежнему наблюдаются неопределенность и фрагментация. Раньше существовал один крупный международный рынок капитала, внутри которого можно было свободно перемещать ликвидность и капитал. Однако ситуация изменилась. В большинстве стран возобладали националистические настроения, а законодатели стали склоняться к протекционистским мерам. Я думаю, нам необходимо соглашение по данному вопросу, лучше всего — глобальное.

Необходимы структурные реформы, о которых можно вести дискуссию, но во многих странах следует также уделить внимание трудовому законодательству и энергетической политике. Необходимо сделать так, чтобы экономика снова заработала. Мы можем эффективнее, чем раньше, стимулировать экономику с помощью финансовой и денежно-кредитной политики: думаю, это относится и

к России. Полагаю, все, что нам требуется — это восстановить доверие потребителей, а также бизнес-сообщества. Но необходимо также, как говорил Дэвид, эффективно управлять производством. Однако главное — иметь клиентов, покупающих вашу продукцию. Считаю, что сегодня проблема как раз в этом.

К. Фриланд:

Большое спасибо. Сейчас у нас будет возможность выслушать одного из ведущих бизнесменов, предпринимателей и новаторов из той части света, на которую, как мы слышали, многие из нас возлагают надежды. Это Крис Гопалакришнан из компании Infosys, которому доверено представлять на нашей сессии весь индийский бизнес. Расскажите нам, как на все эти проблемы смотрят в Индии — и, возможно, даже в Азии в целом.

К. Гопалакришнан:

Спасибо, Кристиа. Добрый день всем! Я хочу поставить вопрос несколько по-иному, не желая повторять уже сказанное, и поговорить о структуре глобальной экономики и о возможностях, которые она дает. Вы говорили о возможностях, которые предоставляет Индия с ее огромной массой потребителей и высокими темпами роста экономики. Мы говорили о Китае, но в Индии рост также составляет около 5% и, как ожидается, может достичь 8—9%, если мы скоординируем наши действия. Очевидно, что высокие темпы роста в некоторых странах предоставляют большие возможности.

Далее, сегодня даже небольшой бизнес может быть глобальным. Конечно, крупные компании ведут глобальный бизнес, но его может вести и небольшая фирма — Интернет и другие современные технологии позволяют выйти на международный рынок. Переходя к проблемам, с которыми мы сталкиваемся, я хочу поговорить об упрощении. Я имею в виду упрощение налогового законодательства, упрощение процедур соблюдения правовых норм, упрощение трудового законодательства, упрощение перемещения

специалистов. Мы не поднимаем здесь вопрос о создании международной организационной структуры: это прерогатива «Группы двадцати» и «Деловой двадцатки». На нашем Форуме должны ставиться такие вопросы, но мы не можем создать организационную структуру.

Руководители компаний, которые здесь выступали, говорили о некоторых элементах такой структуры. Необходимо не только уменьшить издержки, связанные с процедурами соблюдения правовых норм, но и уменьшить неопределенность. Руководители международных компаний видят, что ведение бизнеса во многих странах связано с неопределенностью: вы не знаете, какими окажутся в будущем процедуры соблюдения правовых норм. Это было и остается проблемой в Индии, и я могу понять озабоченность международных корпораций. Правительство начало решать эту проблему, однако для ее успешного решения необходима международная организационная структура.

Наконец, я хотел бы коснуться будущего. Следует уже сейчас делать прогнозы и составлять планы относительно создания рабочих мест в различных странах. Например, необходимо понять, какие профессии будут актуальны в России через десять лет: столько времени занимает переподготовка работников. Это не произойдет в одночасье. Так, в Индии мы четко определили: следует осуществить переподготовку 200 миллионов человек в течение следующих десяти лет. Это важная задача. Думаю, похожие задачи стоят перед любой экономикой, развитой или развивающейся.

Для ее решения необходимо планирование. Большой проблемой, однако, является финансирование. Кто будет выделять средства — физические лица, частный сектор, государство? Все эти проблемы должны быть решены, если мы хотим трудоустроить достаточное число людей в будущем. Развитие технологий и глобализация снижают потребность в рабочих руках. Очевидно, что эта тенденция продолжится. Мы должны понять, какие рабочие места потребуются в будущем, как будет выглядеть экономика, а уже на этой основе составлять планы профессиональной подготовки. Спасибо.

К. Фриланд:

Большое спасибо.

Я. Хоммен:

Я хотел бы кое-что добавить к сказанному Крисом. Он говорил о налоговой и трудовой политике; другие выступающие говорили об энергетической политике, соблюдении правовых норм, здравоохранении, финансовых услугах, регулировании и экологии. Я вспоминаю об одной женщине — великом предпринимателе. Мы беседовали год или два назад, и я никогда не забуду ее слов. Она сказала: «Правительства во всем мире жонглируют мячами в политических играх, и я знаю только одно: когда один из мячей ударит в стол передо мной, я буду забрызгана грязью. Если я не уверена, что не буду забрызгана, то воздерживаюсь от совершения важных шагов, которые вообще-то делаю каждый день, нанимая где-то 50 человек, где-то 100». Крис, Вы говорили о неопределенности. Вот Вам неопределенность.

К. Фриланд:

Я хочу дать возможность Сергею, представителю принимающей стороны, ответить на некоторые комментарии. Мы обвиняем правительства в разнообразных грехах и в нерешительности, которая приводит к «забрызгиванию» добросовестных предпринимателей. Мы затронули некоторые важные проблемы, связанные с неопределенностью экономического курса России. Поскольку мы находимся в прекрасном городе Санкт-Петербурге, я хотела бы посвятить следующую часть сессии обсуждению ряда конкретных проблем, о которых говорилось на русском языке. Затем мы поговорим о других важных проблемах, затронутых выступающими.

С. Беляков:

Я бы хотел отреагировать вот на что: во-первых, законодательство, условия, институты или проекты? Для любых инвесторов, российских и иностранных, законодательство и институты критично важны, но для принятия решения, инвестировать или не инвестировать, если у тебя есть деньги, важнее наличие или отсутствие проекта. Если я, как представитель правительства, как чиновник, не могу сказать инвестору, что мы можем предложить такие-то возможности для вложения денег и описать это в виде конкретных проектов, никто в Россию не придет, каким бы идеальным мы ни сделали законодательство. Но есть и обратные примеры: есть одна страна, которая демонстрирует в последние годы стремительный рост. У нее все не очень хорошо с точки зрения реальной защиты прав инвесторов, однако мы наблюдаем в ней инвестиционный бум. Инвесторы туда вкладываются, потому что есть конкретные проекты, потому что есть поддержка конкретных проектов не только на уровне законодательства.

Теперь поговорим о налогах. Для нас эта тема была когда-то болезненной, сейчас она для нас таковой не является. И по нашей оценке и по оценке экспертов и бизнеса, который работает здесь, налоговая нагрузка в экономике небольшая. Ставки основных налогов в России более чем конкурентные. Были определенные решения, связанные с переходом от единого социального налога к системе страховых платежей: они увеличивали нагрузку на работодателя, потому что именно он является оператором, но в целом налоговая нагрузка невелика. Гораздо важнее обеспечить простоту процедуры уплаты налогов. Я напому, что Россия за последние два года сделала рывок, поднявшись в рейтинге Всемирного банка по этому показателю с девяносто четвертого на шестьдесят четвертое место. По этому показателю мы обогнали Америку. Надеюсь, это будет не единственный показатель, по которому мы догоним и перегоним Америку. Малый бизнес и средний бизнес — проблема номер один. Мы можем предложить какие-то проекты для крупных компаний, я не думаю, что у компаний масштаба «РУСАЛа» или Alcoa есть какие-то серьезные проблемы с точки зрения организации бизнеса в России, имея в

виду недоразвитость институтов. Малый бизнес и средний бизнес от этого страдают в первую очередь. Развивать нам надо именно его, и для малого и среднего бизнеса нам надо создавать условия. Здесь критично важны несколько факторов. Первый — это законодательство, которое позволяло бы очень быстро начинать бизнес. Потому что это рискованный вид деятельности, и ты можешь обанкротиться, понести все риски, связанные с предпринимательской деятельностью, но, прогорев, ты должен иметь возможность очень быстро начать новое дело. У нас пока такой возможности нет, но мы на это ориентируемся и выстраиваем все наши законодательные инициативы исходя из этого.

Второй фактор — это катастрофически высокая процентная ставка по кредитам. Невозможно взять заемный капитал и вести при этом нормальный бизнес с нормальной, с точки зрения мировой практики, нормой доходности. Это имеет целую цепочку негативных последствий и для потребителя продукции малого бизнеса, и для самого малого бизнеса, делая его фактически неконкурентным. На это мы тоже ориентируемся.

Третий фактор — это развитие конкуренции. Если говорить о таких вещах, как состояние инвестиционного климата в России, то я оптимист в плане того, что надо делать и тех результатов, которые мы хотим достичь. А вот оценка текущего состояния не очень оптимистична, и конкуренция в России, конечно, не развита. Это ключевой фактор для привлечения инвестиций. Это могут быть не только инвестиции в какой-то один проект, их должно быть просто много, а для этого ключевым фактором является конкуренция.

И последнее — это приватизация. Она сейчас особенно актуальна. Мы сделали заявление, мы объявили о том, что государство смещает свою долю в экономике, мы объявили о том, что мы готовы впускать частный бизнес в компании с государственным участием, в каких-то полностью отказываясь от участия государства, в каких-то отказываясь от контрольного пакета, в каких-то сохраняя контрольный пакет. Сейчас нам очень важно эти проекты реализовывать и продавать эти доли, впускать инвесторов в компании, в

активы. Это и повысит активность этих компаний, и стимулирует приход инвесторов.

Мне бы хотелось, чтобы больше инвесторов приходило в Россию, потому что, в конечном итоге, инвесторы будут формировать законодательство, среду. Они будут, предъявляя нам определенные требования, от которых мы не сможем отмахнуться, формировать условия, которые комфортны для них. Так было везде, так будет и здесь.

Поэтому, добро пожаловать, инвестируйте, мы будем менять законодательство, будем показывать проекты и будем адаптировать законодательные институты под потребности инвесторов.

К. Фриланд:

Думаю, Клаус также хотел бы сделать несколько замечаний о России. Я же хочу дополнить сказанное Сергеем. Он сделал хорошее замечание относительно страны, не названной им прямо — Китая. В этой стране, вероятно, не самая совершенная правовая база, но и само государство пока не слишком активно борется за привлечение инвестиций. Теперь — о налогах. Вчера я присутствовала на сессии и услышала слова главного российского банкира о том, что время налоговых гаваней закончилось, политика международного сообщества направлена на их уничтожение. Он сказал также, что все должны перевести свои деньги в Россию, так как налоги здесь низки. Возможно, вся эта страна станет налоговой гаванью.

Сергей, что-нибудь хотите добавить?

С. Беляков:

Налоговая система — это настолько чувствительная тема, что сравнения должны быть корректны, а сравнивать налоговые системы России и Китая не совсем корректно, потому что обязательства государств совершенно разные. Россию скорее надо сравнивать с Европой и с Америкой.

К. Кляйнфельд:

Я хотел бы добавить кое-что к словам Сергея. Многие годы я жаловался на процесс налогообложения в России: нам приходилось предоставлять сотни тысяч копий документов. После этих жалоб нас попросили подать пример и начать предоставлять документы в онлайн-режиме. Сейчас эта система работает, причем очень хорошо. Все пользуются ею. Есть хорошие примеры позитивных сдвигов. Теперь мы хотим перехода к следующему шагу — введения так называемого горизонтального налогообложения или горизонтального аудита.

К. Фриланд:

«Горизонтального»? Расскажите нам вкратце, что это такое.

К. Кляйнфельд:

Это гораздо более эффективная система аудита. Если не ошибаюсь, она сейчас испытывается российскими налоговыми органами. Система затрагивает весь процесс сбора налогов — не только административную, но и аудиторскую часть. В значительной мере она опирается на современные технологии, о чем говорил Крис. Она уже внедряется и работает здесь: это хорошая новость. Ее внедрение стало результатом диалога с властью.

Вернусь к более существенным проблемам, которые, по-моему, актуальны для России. Прежде всего — мы перестали обсуждать это событие, поскольку человек быстро привыкает к хорошему и снова сосредотачивается на негативе, — нельзя забывать о случившемся год назад: о вступлении России в ВТО. После 18 лет напряженной работы мы не должны делать вид, что это был пустяк. Мы сделали большое дело, причем в нужный момент. Затем президент Путин заявил, что следующим шагом должно стать вступление России в ОЭСР. Это также важный шаг, свидетельствующий о дальновидности власти. Думаю, это прекрасно. Озвучивались также мнения о

необходимости внешней экспансии. Таким образом, российские власти не замыкаются на внутренних процессах.

Далее — диверсификация. Сергей, Вы касались этого вопроса. Это именно то, что нужно делать и нужно будет делать в дальнейшем: проводить диверсификацию и приватизацию. Ясно, что этим необходимо заниматься. Кое-что было сделано; кое-чего, к сожалению, сделать не удалось. Некоторые инвесторы пришли в Россию, увидев, что здесь изменились политические и экономические обстоятельства. Полагаю, что экономическая стабильность возросла. Призываю вас по-прежнему проводить и то, и другое.

О диверсификации: я твердо верю в то, что в числе основных активов России — не только нефть или газ, но и таланты. Нас это вдохновляет. Иногда меня спрашивают: «Каким конкурентным преимуществом вы озабочены больше всего?» Я неизменно отвечаю: «Талантами». Таланты — это устойчивый ресурс, единственный источник преимущества в эпоху быстрого перемещения информации. В России всегда было много способных и одаренных людей. Это одна из причин, по которым ваша страна сохраняет привлекательность для инвесторов.

Разумеется, некоторые проблемы, если их не решать, могут стать масштабными. Одна из таких проблем — защита прав на интеллектуальную собственность: ее отсутствие может убить целые отрасли экономики. Если в этом отношении не будет ясности, инвесторы, несомненно, не станут вкладывать деньги. Вчера вечером мы говорили об инвесторах, которых привлекают большие возможности, открывающиеся в сельском хозяйстве. Мы подходим к вопросу о том, что сдерживает развитие данной отрасли. Единственное, что сдерживает ее развитие — отсутствие четких прав у землевладельцев. После вчерашней дискуссии я понимаю, почему эти права так трудно обеспечить, но ведь наличие трудностей никогда не мешало России решать проблемы. Я считаю, что мы просто должны жить в соответствии с нашими собственными стандартами.

И последнее по счету, но не по важности: я считаю, что западные компании по-прежнему могут принести большую пользу России. Посмотрим на два наших крупных завода в России. Все начинается с внедрения практик, связанных с производством, соблюдением техники безопасности, природоохранной деятельностью, профессиональной подготовкой, возможностью для сотрудников стать частью всемирной группы талантов. Один из тех наших бизнесов, которые разбросаны по всему миру, сейчас управляется из Москвы. Причина этого — в наличии талантов. Это не было естественным выбором: мы, как международная компания, можем разместить головной офис где угодно. Решающим аргументом стало наличие в России талантов. Здесь есть, кроме того, необходимая инфраструктура: из Москвы очень удобно управлять международным бизнесом. У меня все.

К. Фриланд:

Спасибо! Ваше выступление хотят прокомментировать Ян и Джим.

Я. Хоммен:

Вчера наш премьер-министр говорил, что из Нидерландов, в надежде на перспективы работы в России, прибыла большая делегация. Голландские и российские компании могут запустить совместные проекты в сферах высоких технологий, охраны окружающей среды и безопасности, как уже говорил Клаус. Голландские компании могут передать российским партнерам разнообразные знания и технологии. Но и мы можем поучиться у России. Здесь имеется огромное количество талантов.

Мы видим различные возможности, и не только в области инфраструктуры. Вчера вечером инвесторы, работающие в России, ужинали с господином Путиным. Инфраструктура была одной из главных тем, затронутых во время этого ужина. Если взглянуть на состояние малого и среднего бизнеса в России, станет понятно, что именно он предоставляет наибольшие возможности для диверсификации. Энергетика занимает слишком большое

место в российской экономике, но если вам удастся осуществить диверсификацию и более равномерно распределить национальное богатство, экономика станет более эффективной и стабильной. Это означает, что необходимо перераспределение национального богатства. Это также означает, на наш взгляд, что необходимо и дальше совершенствовать правовую систему. Вы сделали многое. Москва стала крупным финансовым центром, что позволит привлечь средства — и с рынков капитала, и из российской экономики — менее затратным и более эффективным способом. Итак, сделано многое, но нужно сделать еще больше — диверсифицировать экономику и развить инфраструктуру.

К. Фриланд:

Пожалуйста, Джеймс. После Вас — Фредерик.

Д. Терли:

Вероятно, не все полностью осознают, что Россия внимательно прислушивается к иностранным инвесторам. Многие из сидящих в этом зале входили в состав Консультативного совета по иностранным инвестициям. В течение всего года мы встречаемся с членами российского правительства на заседаниях рабочих групп. Ежегодно мы встречаемся с премьер-министром и откровенно обсуждаем с ним проблемы, требующие решения. Во многих вопросах — речь идет, например, о налоговых авансах, упомянутых Клаусом, снижении административных барьеров, изменении таможенных и других пошлин, прочих накопившихся проблемах — правительство проявляет готовность прислушаться, когда ему указывают на необходимые меры. Полагаю, такую готовность проявляют не в каждой стране с развивающейся экономикой. Такую готовность проявляют в Китае, где хорошо умеют слушать и учиться — как и в России. Я считаю это большим плюсом для страны. Как и Вы, Клаус, в отношении России я по-прежнему настроен весьма оптимистично.

К. Фриланд:

Пожалуйста, Фредерик.

Ф. Санчез:

Я хотел добавить, что в России есть большие возможности по превращению существующих заводов в более эффективные и экологичные предприятия. Для компаний, которые, подобно нам, поставляют средства производства, здесь открываются хорошие перспективы, и мы можем найти партнеров в России. Во вторник я был в Татарстане, где посетил завод КамАЗ. Его руководство планирует вложить много денег в реконструкцию предприятия, так как оно абсолютно неэффективно. Там построили огромный неэффективный завод и теперь хотят реконструировать его, чтобы сэкономить на электроэнергии. Есть возможность сделать этот завод гораздо более экологичным. Итак, всем нам есть чем заняться.

Возвращаюсь ко вчерашнему ужину. Господин Путин, объяснял, что Россия ищет инвесторов и источники капитала во всем мире — в Корее, в Китае, везде. Большинство наших клиентов, даже самые крупные, испытывают трудности с привлечением капитала. Вступление в ВТО предоставляет в этом смысле замечательные возможности, но создает проблемы для некоторых отраслей — например, для металлургии. Проблемы связаны со снижением таможенных барьеров. В принципе, это хорошо, однако ваши предприятия неконкурентоспособны из-за своей энергозатратности или из-за того, что внедрили не все необходимые производственные процессы. Мы все можем внести большой вклад в преобразование российской экономики. Я настроен оптимистично, так как российские власти проявляют необходимую волю. Воля есть, но есть и трудности с привлечением капитала.

К. Фриланд:

Дэвид, Вы хотите прокомментировать сказанное? Мне хотелось бы обсудить множество других вопросов, но наше время подходит к концу. Мы выслушаем комментарий Дэвида, после чего готовы задать вопросы.

Д. Липтон:

Как многие уже говорили, инвестиционная ситуация в России улучшается. Однако я думаю, что важно иметь в виду намерение властей увеличить темпы роста экономики с 3—3,5% до 5%. Стране понадобится значительно больше инвестиций. Отношение инвестиций к ВВП следует увеличить с 20% до 22—23%.

У иностранных компаний сложились хорошие отношения с российскими партнерами. Эти отношения постоянно улучшаются. Компании научились быть успешными. Нужно, чтобы российские компании больше инвестировали в экономику, чтобы российский бизнес чувствовал себя комфортнее, вкладывая в нее российские деньги. России требуется более крупная, диверсифицированная и технически оснащенная экономика. Существующие стратегии требуют улучшения, если страна стремится достичь цели, поставленной Президентом Путиным, — обеспечить пятипроцентный рост.

К. Фриланд:

Мы готовы ответить на вопросы. Если у присутствующих нет вопросов, у меня есть много своих. Имейте в виду, что на вопросы из зала отведено 15 минут.

Кажется, большого энтузиазма не наблюдается. Я бы хотела отреагировать на некоторые замечания Криса и Яна. Крис, компания которого находится на острие научно-технического прогресса, озвучил важную мысль: благодаря технологической революции и глобализации наблюдаются рост и приток инвестиций, но число рабочих мест при этом может не возрасти или даже сокращаться. По мнению Яна, для роста необходимы потребители, а для увеличения числа потребителей необходимы новые рабочие места. Наверное, мы можем потратить несколько минут и обсудить взаимное влияние этих

факторов, действующих в мировой экономике. Я знаю, что многие из вас, глав компаний, оздоровили финансы — отчасти за счет сокращения сотрудников. Таким образом, вы участвуете в процессе, о котором говорил Крис. Крис, Вы не хотели бы подробнее остановиться на этом?

К. Гопалакришнан:

В существующих ныне отраслях количество рабочих мест сокращается, однако создаются новые отрасли и новые рабочие места, так что можно говорить об устойчивом развитии. Сейчас имеются огромные возможности в таких сферах, как технологии хранения информации, солнечная энергетика, внедрение других альтернативных видов энергии и создание на этой основе, скажем, автомобилей будущего.

Приведу один пример: всего 3,5% жителей Индии сегодня имеют собственный автомобиль. Это очень небольшой процент. Индия — развивающаяся экономика. Средний класс растет, и все больше людей хотят иметь собственные автомобили. Конечно, средний доход на душу населения в 1500 долларов позволяет приобретать лишь дешевые машины, но они должны быть качественными и не наносить ущерба окружающей среде. Если они будут загрязнять окружающую среду, это станет огромным бедствием не только для Индии, но и для соседних стран. Итак, нам нужны более энергоэффективные и более дешевые автомобили, что требует инноваций. Все это создает новые рабочие места и новые возможности. Вот почему я говорил: необходимо представлять себе, как будет выглядеть экономика, в каких отраслях будет умножаться капитал, в каких отраслях будут создаваться рабочие места, — и готовить к этому население. Если вы сделаете это, рабочих мест в вашей экономике будет достаточно.

К. Фриланд:

Фредерик, думаю, Вы захотите прокомментировать слова Криса.

Ф. Санчез:

Я полностью согласен с тем, что было сказано. В нашей компании число сотрудников выросло, но географическое их распределение изменилось. Так, например, общее число сотрудников за последние десять лет удвоилось, но рост в основном происходил за счет Китая, Индии и России. В Европе у нас не так много сотрудников, потому что это не наш рынок. Наш бизнес растет там, где есть рынок и инвестиции. Как Вы сказали, мы ищем различных сотрудников с различными талантами.

Инновации и «зеленая экономика» вполне совместимы с ростом числа сотрудников. Я совершенно не разделяю мнение о том, что автоматизация уменьшает занятость. Автоматизация уменьшает занятость лишь в некоторых отраслях, в других же создаются новые рабочие места. Мы должны мыслить глобально.

Я. Хоммен:

Я думаю, что такие преобразования будут трудными. Переход от промышленной экономики к экономике, основанной на знаниях, — дело непростое. Думаю, Россия сейчас находится где-то посередине. Китай находится на ранней стадии этого процесса. Вы упомянули об инновациях. Очень важно при этом уделять внимание развитию предпринимательства — в частности, малого и среднего. Доля малых и средних компаний в экономике России доходит до 20%. По мировым стандартам, это очень низкий показатель: во многих странах доля таких компаний составляет 50% и выше. Я считаю, что Россия, где, как напомнил Клаус, проживает множество талантливых людей, должна провести реформы в таких ключевых сферах, как наука, технологии, конструкторские разработки и математика. Тогда ей удастся создать статью экономики, основанную на знаниях. Если посмотреть на миллион русских евреев в Израиле, которые заняты в экономике, основанной на знаниях и сверхсовременных технологиях, становится понятно, что такую экономику можно создать и здесь.

К. Фриланд:

Действительно, есть надежда, что в Сколково все это будет. Пожалуйста, Сергей. Затем мы выслушаем вопрос смельчака из зала.

С. Беляков:

Я не вижу никакого конфликта между тем, что было сказано. Я полностью согласен с тем, что стоит задача создавать условия для появления рабочих мест, формировать новые рабочие места, причем рабочие места нового качества. Это очень важная задача, потому что невозможно только побуждать компании оптимизировать свою деятельность, быть более эффективными. Это автоматически означает сокращение рабочих мест, а значит, дополнительную социальную нагрузку на государство. Нужно четко понимать разницу государственной политики и политики компаний. Компании заинтересованы в росте безработицы, а государство — нет. Поэтому государство, чтобы компании были эффективными и не несли издержки, должно создавать условия и формировать новые рабочие места. Я хотел бы добавить небольшой комментарий по поводу тезиса Джеймса о том, что у нас пока не много малого бизнеса и людей, в нем занятых. Это действительно так. Мы наблюдаем достаточно хороший рост, и мы оптимистично настроены, просто пока их мало. Но не забывайте, что такое Российская Федерация. Здесь люди, обладающие предпринимательской жилкой, инициативой, готовы рисковать, здесь присутствует здоровый дух авантюризма — это то, что нужно, чтобы открывать свое дело. Почему малых предприятий и людей, стремящихся в бизнес, мало? Потому что исторически мы никогда не работали на себя. Мы этот период должны пройти, и мы его проходим. Сейчас мы уже ни на кого не полагаемся. Отчасти это результат не всегда эффективной социальной политики государства, то есть граждане не особо полагаются на государство, но это имеет и хороший эффект. Человек начинает думать о том, как он сам себя обеспечит, а для этого нужно быть более активным. Я думаю,

что у нас скоро сильно увеличится количество людей, которые заняты в малом и среднем бизнесе.

К. Фриланд:

У нас есть вопрос из зала. Затем мы дадим слово Клаусу.

К. Пандей:

Спасибо. Я — Кишан Пандей из Российского фонда прямых инвестиций. Наш фонд создан правительством для привлечения в страну иностранного капитала, в том числе инвестиций. Размер его капитала — 10 миллиардов долларов. Сначала мы говорили о негативных сторонах происходящего, а затем услышали от Клауса кое-что позитивное. Я хочу лишь сказать, что на днях мы создали совместное предприятие с компанией GE, намеренной инвестировать в РФПИ. Мы только что объявили о создании партнерства, которое привлечет в Россию инвестиции на миллиард долларов.

Все идет хорошо. Мы только что сообщили о притоке новых инвестиций в Россию. Я хотел указать на то, что мы можем привлекать в Россию инвесторов и создавать для них стимулы. Мы узнали о том, чем вы озабочены. В то же время мышление людей должно стать чуть более долгосрочным. Люди привыкли думать только о том, что случилось с ними вчера или в последние два месяца, потом они составляют прогнозы на этой основе. Мы должны поощрять долгосрочное мышление. Сидящие в этом зале живут гораздо лучше, чем самые богатые в мире люди за сто лет до нас. Поэтому нужно поощрять крупнейших предпринимателей к движению вперед.

К. Фриланд:

Клаус, Вы хотите подумать о долгосрочной перспективе?

К. Кляйнфельд:

Я согласен с Вами. Кристиа, сначала о том, что вы сказали раньше. Это крайне важный вопрос, заслуживающий отдельной сессии. Я разделяю интерес к современным технологиям, о которых так много говорил Крис. Кое-что в них меня восхищает, кое-что ужасает. Думаю, люди пока не осознали всех последствий их внедрения. Однако мы еще не говорили о том, что в современных технологиях восхищает меня больше всего.

Вчера в самом начале встречи президент Путин сказал, что образование — основа всего, потому что именно оно является главным инструментом реализации всех планов. Я полностью согласен с этим. Если наличие талантов — это устойчивое конкурентное преимущество, то образование создает предпосылки для появления талантов. В прошлом, начиная обсуждать проблемы образования, мы сразу предупреждали, что хорошее образование будет доступно лишь немногим. В современных технологиях меня больше всего восхищает то, что они похоронили эту схему. Мы присутствуем при величайшей в истории революции, наполненной положительным смыслом. Не за горами тот день, когда хорошее образование станет почти бесплатным и при этом индивидуализированным. Это уже доказано, это больше не относится к нелепым мечтаниям. Думаю, что революция, которая идет с немыслимой скоростью, будет иметь колоссальные последствия — особенно для развивающихся стран и стран с такой огромной территорией, как Россия. Этой темы мы еще не касались. Я говорю об онлайн-образовании. Полагаю, Россия может получить от его внедрения множество выгод, чему я рад.

Этот процесс имеет и отрицательные последствия. Вы были правы, сказав, что мы создаем рабочие места в других странах. Такая политика не решает социальных проблем: если вы создаете рабочие места в Китае, вам нечего ответить тем, кто живет рядом. Что-то сказать, впрочем, все же придется, поскольку общество не может существовать без стабильности. Если не создавать рабочих мест, это может привести к пятидесятипроцентной безработице среди молодежи, как в Испании и Греции. Это убийственный

показатель, и со временем такая безработица убьет общество. Нам необходимо найти какой-то ответ.

Кристиа заметила, что журналисты часто говорят: «Вы, капиталисты, переносите производство в другие страны из желания снизить издержки». Надо сказать, что, принимая решения, мы уже не учитываем в первую очередь необходимость снизить издержки. Основной вопрос сейчас — качество доставки, так как сегодня для внедрения инноваций следующего уровня требуется автоматизация производства. Квалификации сотрудников для этого уже недостаточно. Такова реальность во многих компаниях, поэтому ответ, к сожалению, окажется гораздо более сложным.

Далее, мы не учитываем в нашей дискуссии значительную часть общества. Почти везде, на Западе и на Востоке, население стареет. Мы не говорили о том, как поступать в этих условиях. В здравоохранении нужно применять гораздо более гуманный подход. Мы же делаем вид, что все это не связано с инновациями, и стараемся не применять гуманный подход именно там, где он нужен. Полагаю, нам следует лучше разобраться в этом явлении.

К. Фриланд:

Клаус, я хотела бы, чтобы акционеры Alcoa знали: издержки для Вас не являются главной проблемой, все разговоры о них — лишь разговоры! Наша аудитория за две минуты до конца сессии внезапно стала проявлять активность. Мы выслушаем два вопроса и ответы на них: на этом придется закончить.

М. Томас:

Кристиа, уважаемые выступающие! Огромное спасибо за высказанные Вами соображения. Меня зовут Мэтью Томас. Я — исполнительный директор проекта InterSector. Мы исследуем феномен лидеров, налаживающих сотрудничество между бизнесом, правительством и некоммерческими организациями. Крис, говоря об образовании, Вы очень хорошо обрисовали

суть проблемы. Рост придет благодаря спросу, благодаря потребителям. Потребители, не имеющие работы, не будут располагать средствами для создания спроса. Проблема в том, кто и как будет всем этим заниматься. Как выполнить десятилетний план профессиональной подготовки 200 миллионов индийцев? Как осуществлять подготовку молодежи в других странах? Как это делать? Кто будет это делать? Какую роль должны играть бизнес и государственный сектор, входя в партнерство и обеспечивая образование, которое необходимо обществу? И еще один небольшой комментарий. Клаус, Вы упомянули о многих других проблемах. Здравоохранение также требует межотраслевого подхода. Любые идеи относительно такого подхода приветствуются.

К. Фриланд:

Хорошо. Последний вопрос.

Из зала:

Доброе утро! Я — председатель Европейского клуба при Гарвардском университете. Мне доверили также представлять Европейский Союз на саммите «Молодежной двадцатки».

Большое спасибо за то, что Вы упомянули о безработице среди молодежи в Европе. Я думаю, что это бомба замедленного действия, подложенная под наше общество. Вы говорили о доверии между бизнесом и властью: я полагаю, что доверие должно быть обоюдным. Действительно, есть ряд сложностей, связанных с предоставлением бизнесу правительственных гарантий. Но есть и гарантии, которые бизнес должен предоставить правительству, особенно с учетом того, что капиталу присуща крайне высокая степень мобильности. Если же говорить о безработных молодых людях, то они гораздо менее мобильны, чем капиталисты. Есть ли у руководителей крупных предприятий и инвестиционных фирм новаторские идеи относительно

восстановления доверия — обоюдного доверия — между бизнесом и властью?

К. Фриланд:

Были заданы действительно интересные и важные вопросы. Наше время заканчивается. Теперь мы пойдем в обратном порядке. Я попрошу каждого из участников ограничивать свой ответ одной минутой. Вы можете ответить на конкретные вопросы или предложить собственный вариант разблокирования инвестиций с целью ускорения экономического роста, если у вас на этот счет есть блестящие идеи. Крис, начнем с Вас. Один вопрос был обращен лично к Вам: как сделать то, что, по-Вашему, необходимо сделать?

К. Гопалакришнан:

Здесь необходимо государственно-частное партнерство. Задача непростая: обучить 200 миллионов людей и создать для них рабочие места. Следует также использовать новейшие технологии, поскольку издержки должны быть приемлемыми. Итак, нужно соединить технологии с государственно-частным партнерством. Интересно, что в ИТ-отрасли за последние 20 лет было создано 2,5 миллиона рабочих мест, и это никак не зависело от системы образования. Можно использовать эту модель.

И последнее: я настроен оптимистично, потому что проблемы обсуждаются и перемены происходят. Я твердо верю, что мы найдем нужные ответы и решения и продолжим двигаться вперед.

К. Фриланд:

Ян, Ваши заключительные соображения.

Я. Хоммен:

Доверие быстро теряется и очень медленно приобретается, поэтому единственный способ — по-настоящему открыться, начать диалог, общаться

друг с другом, налаживать партнерство между частным сектором и государственным — правительством, университетами, различными институтами. Полагаю, это действительно необходимо.

О потребителях и рабочих местах: несомненно, между ними есть тесная связь. Интересно, что большая часть рабочих мест во всем мире создается мелкими, а не крупными компаниями. Небольшие компании являются ключом к успеху. Поэтому крайне важно уделять внимание малым и средним компаниям и предоставлять им финансирование. Финансирование, особенно в Европе, предоставляется в основном банками, а не рынками: думаю, нам нужно выходить на рынки активнее, чем раньше. Доступ к финансированию должен даваться значительно большему числу компаний, чем сегодня. Банки могут поспособствовать этому, предоставив оборотный капитал.

Здравоохранение я оставлю Клаусу. У меня есть ряд идей касательно здравоохранения, но я хочу лишь сказать, что мы забываем об одном обстоятельстве. Старение населения открывает возможности для экономики, позволяя заниматься планированием преемственности. Оно требует повышения мобильности рабочей силы и готовности правительств осуществлять разумную иммиграционную политику, направленную на замещение вакантных рабочих мест. Повышение мобильности рабочей силы требует реформирования трудового законодательства и многого другого.

К. Фриланд:

Хорошо. Клаус, решите проблемы здравоохранения за 60 секунд.

К. Кляйнфельд:

Здравоохранение и помощь престарелым создают рабочие места, надо лишь организовать то и другое с умом. Затем, я согласен со всем, что сказал Ян относительно доверия. Вопрос о том, как создать доверие, имеет первостепенное значение, и на него есть тысячи ответов. Ян уже говорил, что нам необходим диалог. Диалог особенно важен, поскольку многие молодые

люди не понимают, чему нужно учиться, представители каких профессий требуются бизнесу. Как это выяснить без диалога?

Диалог может принимать разнообразные формы. Одна из очень удобных форм — это стажировка, которую легко организовать. Мы — сторонники этой формы, и наша компания предлагает стажировку разнообразных видов. Полтора года назад мы стали принимать на работу в основном тех, кто прошел у нас стажировку. Думаю, это очень полезно и для человека, приходящего к нам: он видит ситуацию в компании и понимает, что ей нужно. Даже если вам не предложили работу, вы узнали то, что вам пригодится в будущем. Это один из способов завязать диалог.

К. Фриланд:

Клаус, эти стажировки оплачиваются?

К. Кляйнфельд:

Да, они всегда оплачиваются.

К. Фриланд:

Посетите веб-сайт Alcoa: уверена, там есть соответствующее объявление. Пожалуйста, Дэвид.

Д. Липтон:

Позвольте мне использовать свои 60 секунд для ответа на вопрос о рабочих местах и росте. В мире происходят три процесса, которые мы иногда путаем. Во-первых, идет глобализация, которая нарастает и приводит к созданию рабочих мест там, где население прежде оставалось вне формальной экономики. Во-вторых, происходят технологические изменения: появляются технологии, позволяющие заменить людей, или технологии, требующие такой точности, которую могут обеспечить только машины. В-третьих, спрос

остаётся недостаточным: это новая проблема, возникшая в результате кризиса, с которой сталкиваются в основном США и Европа.

Между тем, в прошлом были периоды, когда происходила глобализация и вводились трудосберегающие технологии, а безработица оставалась невысокой. Проблема недостаточного спроса должна быть решена на макроэкономическом уровне. Это возвращает нас к вопросу о том, что важно не количество рабочих мест, а то, кто и что делает — независимо от того, хотим ли мы занять людей в сфере здравоохранения или помощи престарелым, является ли работа высокооплачиваемой или низкооплачиваемой, какого образования и какой квалификации она требует. Мы не должны связывать безработицу среди молодежи в Испании или высокий уровень безработицы в США со структурными изменениями в мировой экономике. Мы не будем останавливать глобализацию и, конечно же, не откажемся от новых технологий, поэтому нам надо решать макроэкономические проблемы.

К. Фриланд:

Большое спасибо, Дэвид. Я надеялась, что у нас будет возможность поговорить о макроэкономических проблемах и роли правительства в их решении. Поэтому спасибо за то, что Вы хотя бы поставили этот действительно важный вопрос. Прошу Вас, Фредерик.

Ф. Санчез:

Отвечая на вопрос о том, как установить доверие между правительством и бизнес-лидерами, скажу, что создание «Деловой двадцатки» было замечательной идеей. Мы разрабатываем рекомендации, объединяя все наши силы, привлекая предпринимателей из Индии, Китая, России, других стран. В разработке рекомендаций участвуют 20 предпринимательских организаций. Эти рекомендации затем передаются нашим правительствам.

Вероятно, мы должны пойти дальше и не только разрабатывать рекомендации, но и принимать на себя обязательства. В некоторых сферах это будет просто. Мы могли бы принять ряд обязательств в отношении занятости молодежи. Мы непременно должны принять обязательства по борьбе с коррупцией. Таким образом, мы не должны просто ждать появления новых законов. Как главы компаний, мы будем бороться с коррупцией: эта проблема также требует нашего вмешательства. Я полностью согласен с тем, что «Деловая двадцатка» предоставляет отличные возможности. На саммитах в Мексике и Франции представители всех правительств участвовали в наших встречах и высказывали замечательные идеи.

Позволю себе немного иронии: если вы хотите увеличить объем инвестиций, нужно изменить правила бухгалтерского учета. Это я оставляю Яну: правила бухгалтерского учета и математика — сфера его компетенции.

К. Фриланд:

Мы переходим к интереснейшей части — завершению!

Д. Терли:

Я не собираюсь решать проблему правил бухгалтерского учета за 60 секунд. Предложу лишь решение проблемы доверия. Доверие невозможно без вовлеченности и прозрачности. Я впервые приехал в Россию в 2000 году. Как и большинство людей, никогда не бывавших здесь, я, честно говоря, относился ко всему с недоверием. Но, увеличив свою вовлеченность путем совершения многочисленных визитов, я способствовал установлению доверия с обеих сторон. Необходима прозрачность в тех сферах, где мы собираемся вводить усовершенствования, и в тех, где собирается вводить усовершенствования правительство. Вот так нужно выстраивать доверие.

Я наблюдал это в нашей отрасли — не буду при этом касаться стандартов бухгалтерского учета. После скандала с Enron в 2001—2002 годах наша отрасль почти во всем мире превратилась из саморегулируемой в

регулируемую национальным законодательством. По правде говоря, поначалу мы не доверяли регуляторам. Но если, взявшись за дело, вы демонстрируете вовлеченность и обеспечиваете прозрачность, доверие устанавливается.

К. Фриланд:

Джим, Ваш регулятор, возможно, тоже не слишком Вам доверял.

Сергей, последнее слово за Вами. Пожалуйста.

С. Беляков:

Я хотел бы ответить на вопрос по поводу доверия, но начну с реплики Джеймса о том, что и правительство, и бизнес должны работать лучше. Скорее, наверное, правительства должны работать больше, потому что масштаб проблем, если плохо работаем мы, несоизмерим с тем масштабом проблем, которые возникают, если плохо работает бизнес. Плохая работа бизнеса означает банкротство компании — это потеря акционеров, увольнение сотрудников. Плохая работа правительства — это проблемы бизнеса, социальные проблемы, качество жизни на недопустимо низком уровне со всеми вытекающими отсюда последствиями. Что касается доверия, это, конечно, ключевой фактор, но, говоря об ответственности бизнеса перед правительствами, я бы был очень осторожен. Правительство и любая власть, это феноменальная вещь: как только вы формулируете самый короткий перечень вопросов о категории ответственности перед властью, этот список стремится расширяться до неограниченного объема, и мы это наблюдали. Здесь, в аудитории, находится представитель компании, у которой, к моему большому сожалению, есть проблемы как раз из-за того, что один из государственных органов Российской Федерации считает возможным постановку вопроса, связанного с какими-то расширенными требованиями в отношении этой компании.

Ответственность государства состоит в том, чтобы создать комфортные, максимально благоприятные условия для бизнеса, а ответственность бизнеса

— заплатить налоги, исходя из экономических результатов своей деятельности, и обеспечить даже не количество, а качество рабочих мест, и все.

К. Фриланд:

Давайте закончим на этой оптимистичной ноте. Сергей, я полагаю, что Ваши деловые партнеры будут требовать всего этого от российского правительства во время будущих встреч. Хочу поблагодарить всех выступавших за разностороннюю и информативную дискуссию. Большое спасибо, господа!